

ОДНО ПРОСТОЕ СЛОВО

Христианские рассказы
для детей

ОНЕГА
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Одно простое слово	3
Блаженнее давать	6
Самый богатый человек в деревне.....	9
Оля	12
Вера маленького мальчика	18

ОДНО ПРОСТОЕ СЛОВО

Задумывался ли ты когда-нибудь над тем, что значат слова: «спасибо» и «благодарю»? Большинство произносят их по привычке: принято так отвечать на какую-либо услугу, вот и говорят.

А многие и привычки такой не имеют, как будто слова этого вовсе не знают... Вдумайтесь в смысл этих слов. «Спасибо» произошло от того, что на протяжении веков употребляемые вместе слова «Спаси Бог!» слились в одно слово. То есть в благодарность за какую-либо помощь человек в старину говорил: «Спаси тебя Бог, поскольку ты спас меня, помог мне!» А в слове «благодарю» очень легко различаются слова «благо дарю», то есть в ответ на твою любезность я дарю тебе пожелание блага! Звучит очень красиво и очень вежливо, и очень ярко свидетельствует о том, что наши предки отличались особой чуткостью к слову.

Наш рассказ о человеке, жизнь которого сильно изменилась после одного хорошего слова.

На вокзалах всегда бывает немало подозрительной публики, которая пользуется усталостью и рассеянностью пассажиров или просто пытается на чём-нибудь подработать. Это либо опустившиеся, привыкшие к спиртному люди либо безработные, оказавшиеся по какой-нибудь причине в беде.

Проводил свои дни возле вокзала и один оборванный мальчишка: где украдёт что-нибудь, где поможет поднести чемодан или тяжелый мешок. Несколько раз его задерживала милиция, но ни в чём серьёзном уличить его не могли и поэтому отпускали... Он давно ушёл от родителей-пьяниц и жил своим трудом, а вернее ловкостью и пронырливостью.

Мальчуган уже привык к тому, что на него смотрят с подозрением, гонят, обходят стороной. Сунут

ему монетку за поднесённый к поезду мешок и тотчас забудут.

Однажды на вокзал приехала красивая и богато одетая женщина. Мальчик подошёл поближе, рассчитывая что-нибудь заработать. Действительно, у женщины оказался тяжёлый чемодан и она остановила свой взгляд на юном оборванце, кивнула ему и улыбнулась. Парнишка подхватил чемодан и понёс его к вагону. Расплачиваясь с ним, она вежливо и ласково произнесла: «Спасибо! Благодарю вас!» Он оторопел. Его, оборванца, которого все презирают и подозревают во всех грехах, красивая женщина благодарила, как равного! Значит, она сумела разглядеть в нём что-то, чего другие не могут увидеть? И ему захотелось вырваться из той жизни, которой он жил, стать другим.

Вскоре обитатель вокзалов нашёл работу, давшую возможность скромно, но чисто одеться, спать на настоящей постели. Потом он стал учиться – сначала, чтобы получить специальность для постоянного заработка, а затем и для общего образования. Конечно, прошло немало времени, прежде чем бывший оборванец занял в жизни достойное место, но главное – это произошло.

Жизнь этого человека потекла совсем в другом русле. Он стал специалистом своего дела, его стали ценить на работе, уважать. Как-то отправляясь в служебную поездку, он увидел ту самую женщину, которая некогда так тепло и сердечно поблагодарила его. Она изменилась внешне, но он узнал её по голосу и манерам. Подошедши к ней и сняв шляпу, он промолвил: «Простите, вы не узнаете меня?»

«Нет», – ответила растерянно женщина. – «А кто вы? Я не могу вас вспомнить?»

«Это не так важно», – сказал молодой человек. – «Я подошёл, чтобы сказать вам: Спасибо! Благодарю вас! Эти слова, сказанные вами много лет назад, сделали меня совершенно другим человеком».

TB
2003

БЛАЖЕННЕЕ ДАВАТЬ

Два мальчугана, которым было по двенадцать лет, гуляли по лесу. Выйдя на опушку, они увидели в поле старика. Крестьянин, согнувшись в три погибели, с трудом копал. Копать тяжело даже молодым, особенно если этот труд длится часами. Работать приходится согнувшись, и от этого сильно болят спина и руки.

Крестьянин работал босиком, а лапти положил на краю поля. Когда мальчики проходили мимо, одному из них захотелось подшутить над крестьянином, спрятав его лапти.

– Мы где-нибудь спрячемся и будем смотреть, как он будет искать их. Вот посмеёмся!

– Нет, – ответил другой мальчик, – это нехорошо. Мы можем придумать что-нибудь получше. Давай положим по монете в каждый лапоть. Потом спрячемся и будем смотреть, как он обрадуется, найдя деньги.

– Пусть будет по-твоему, – ответил товарищ.

Они так и сделали. Заранее радуясь удовольствию крестьянина, они положили в каждый лапоть по монете, замотанных в пучок соломы, и спрятались за забором.

Прошло немного времени и крестьянин тяжёлой медленной походкой подошёл к лаптям, чтобы обуться. Но что случилось? Лапоть не налезал на ногу! «Может, туда камень попал?» – подумал старик. Он снял лапоть и стал его трясти. И... О, чудо! Из него выкатилась монета. То же самое произошло и со вторым лаптем. Какая радость! Подняв глаза к небу, он произнёс: «Благодарю, Тебя, Боже, Добрый и Вечный! Ты знал, в каком безвыходном положении я находился и побудил хорошего человека спасти меня от бедствия».

Слёзы радости текли по щекам старика. Слёзы счастья катились и по щекам детей, притаившихся за забором. Никогда они не испытывали такого удовольствия, как теперь, когда принесли большую радость бедному крестьянину.

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДЕРЕВНЕ

В одной деревне жил помещик, который считался самым богатым человеком во всей округе. Ему принадлежал красивый дом, а также все окрестные земли с лесами и реками. Кроме дома он имел ещё много других крупных зданий – хлевы, амбары, строения. Имение его было так велико, что ни один богач, живущий по соседству, не мог с ним сравниться. Всё это вызывало в нём такую гордость, что он никогда не упускал случая похвалиться перед кем-нибудь своим богатством.

Помещик редко ходил пешком, а всё скакал на прекрасной маститой лошади, глядя сверху вниз на людей.

Однажды ехал он по дороге в сторону города. У дороги сидел Еремей, седой-седой старичок. Сколько люди помнили его, он всегда сидел у дороги и колот камни. Еремей был всегда радостным и никогда ни на что не роптал.

– Как поживаешь, Еремей? – сказал помещик старику. – Смотри, какие красивые хлеба на полях, все они принадлежат мне!

– Да, очень красивые.

– Этот сенокос с высокой травой принадлежит также мне. Смотри, какая сочная трава!

– Да, да, – отвечал Еремей.

– И та мельница, которая виднеется вдали, сейчас тоже моя собственность!

– Ах, так?!

– И этот сосновый лес я тоже купил себе.

– Вот как!

– Так далеко, как только видит взор, как только вообще можно видеть – всё принадлежит мне!

– А это красивое голубое небо тоже принадлежит вам?

– Нет! Конечно, нет!

– Но оно принадлежит мне.

На это помещик ничего не смог ответить и поскакал дальше своей дорогой. Ему надо было делать совершенно другие дела, а не думать о небе.

Ночью помещик увидел ясный сон: говорили, что самый богатый человек в деревне должен умереть. Объятый страхом помещик проснулся. Сердце сильно стучало, сам он был в холодном поту. Ведь он был самый богатый человек в окрестности! Он больше не мог спать. Выпив лекарство и стараясь заглушить страх, помещик вышел из дома.

От людей он услышал, что ночью скончался старый Еремей. Помещик задумался: «Разве Еремей был самый богатый? По крайней мере, вчера он был спокойнее и потому счастливее чем я. А что он сказал о небе? Что оно принадлежит ему! То, что у него там хорошее место, в этом я не сомневаюсь!.. Да, я с удовольствием хотел бы, чтобы небо принадлежало мне!..»

С этого времени помещик стал больше думать о небесном, чем о земном богатстве.

ОЛЯ

Дело было зимой. Холодным воскресным утром маленькая Оля в тёплой меховой шубке и кожаной шапке спешила в церковь. Когда она вошла в огромный храм, уже шло служение. Высокий, худощавый священник стоял в алтаре и читал что-то громким голосом. Оля помолилась и начала слушать. «...Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня...» (*Евангелие от Матфея 25 глава, 42-43 стихи*). С возрастающим интересом она вслушивалась в слова, произносимые священником, и казались ей слова эти какими-то необычными, удивительными...

Священник закончил читать, певчие пропели: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!», а Оля всё ещё повторяла про себя: «Без одежды был – и не дали мне, чтобы я оделся... Ночевать просился – не пустили... Захотелось есть – ничего не дали...»

«Вот бедный, – подумала Оля. – Про кого это? Вот такой же мальчишка есть, зовут его Макаркой хромым – по улицам ковыляет на кривых ногах и просит Христа ради. Оборванный и нечёсанный. И когда холодно, глаза у Макарки красные и плачут. Подают ему: кто – хлеба кусок, а кто – копеечку. Мама говорит – Макарка голодный».

Думала думала Оля и вдруг, сама не сознавая, зачем и почему, шепнула:

– Так вот он какой, Макарка-то!

Оля сказала про себя: «Когда мне мама даст новенький серебряный пяточок, я не положу его в копилку, а отдам Макарке. Жалко, что нельзя достать пяточок из копилки. Чтобы достать – надо разбить копилку».

Басы густыми, могучими голосами начали петь: «Иже Херувимы...», но Оля теперь плохо слышала. Голова её была заполнена смутными мыслями и образами. В воображении мелькали: то Макарка с красными слезящимися глазами и протянутой рукой в заштопанной грязной варежке, то глиняная копилка, то добрая мама, которая всегда подаёт нищим кусок хлеба, то новенький серебряный пяточок, недавно подаренный Оле папой и лежащий теперь в копилке...

Григория Ивановича, папы Оли, дома не было. Олина мама, Вера Павловна, вязала скатерть. Оля сидела на диване и рассматривала картинки в большой толстой книге. Вдруг Оля подняла голову и сказала:

– Мама! Про кого это читал сегодня в церкви священник? Кого-то не одели, не приютили и не дали поесть. Уж видно, очень бедный... без одёжи зимой!

Вера Павловна подумала, потом вспомнила и улыбнулась:

– Священник читал Евангелие. Это – про Христа.

– Да нет же, мама! Как же это?

– Поймёшь, Олечка, когда будешь побольше.

Подумав, мама добавила:

– Священник читал, что Спаситель велел накормить голодного.

– А где он?

– Кто?

– Про кого говорил Спаситель?

– Везде, кругом нас. Бедных много.

Оля замолкла и снова начала рассматривать картинки. Вскоре пришёл папа. Настало время обеда. После обеда Григорий Иванович развернул газету.

– Что пишут сегодня? – сказал он. – Ну, опять о голодных крестьянах... Неурожай охватил не-

сколько губерний. Много семейств, у которых нет даже корки хлеба. Ужас!

Оля встрепелась. Её большие глаза стали ещё больше; она хотела что-то сказать, но промолчала. «Папа не любит, когда его прерывают во время чтения. Ах, папа! А вот, он и уходит в кабинет».

– Мама, какие это голодные?

– Дались тебе сегодня эти голодные... Крестьяне голодают.

– Крестьяне? Это их мы видели летом в деревне? Один дедушка ещё там был, седенький, идёт и на белую палку опирается... Увидит меня, улыбнётся и пальцем манит.

Оля помолчала, как бы припоминая всё, что она видела в деревне, а потом, прижавшись к коленям матери, тихо и вкрадчиво произнесла:

– Мама, я хочу им...

– Вера! – раздался голос из кабинета. – Иди-ка сюда на минуточку.

«Ах, папа!» – вздохнула Оля. Она сдвинула брови и сжала губы. Нет, уж видно, лучше молчать. Она ещё подумает, что надо сделать. Теперь Оля поняла, что священник как раз и читал про голодного крестьянина, у которого нет даже корочки хлеба. А Господь наш, Иисус Христос, велит его накормить.

Разные мысли, соображения, догадки закружились вихрем в сознании Оли.

«Плохо, у нас лошади нет. Да и поехать некому. У папы много работы, да и мама всегда занята. Вот в гимназии есть казённая лошадь и санки, и служитель Василий. А заведующая, Любовь Ивановна, уж знает что сделать, уж она распорядится...» Так думала Оля.

Утром, перед тем, как идти в гимназию, Оля положила копилку в сумку. На улице было морозно. Вера Павловна потеплее одела Олю.

По дороге в гимназию, на площади, стояла большая каменная часовня. Оля подошла ближе. В глубине часовни освещался лампадкой добрый Лик благословляющего Христа. Оля всмотрелась в Образ и тихонько сказала:

– Ты велишь отдать, дорогой Господь.

И вдруг всё существо Оли наполнилось любовью к Великому, Доброму Богу, Который велит одеть бедного, накормить голодного...

– Я отдам, Господь Иисус. Копилка у меня вот тут, в сумке. Тут у меня всё.

Великая радость охватила душу Оли! Быстро пошла, почти побежала она в гимназию.

– Любовь Ивановна! – звонким голосом воскликнула Оля, вбегая в учительскую.

Педагог удивлённо посмотрела на взволнованную Олю:

– Оля Павлова? Что с тобой? Что случилось?

– Вы всё знаете, – быстро заговорила Оля, – и, кроме того, Любовь Ивановна, у вас есть лошадь, санки и служитель Василий... Ах, да!.. Ведь надо с самого начала! Вчера я была в церкви, и священник говорил из алтаря... говорил, что нужно... накормить голодных... крестьян. А у меня есть копилка... А в копилке много, очень много серебряных пяточков. Вот... Пусть Василий запряжёт лошадь, поедет в деревню и отдаст крестьянам деньги, а крестьяне купят хлеба... Вот!

С этими словами Оля положила на стол перед Любовью Ивановной копилку и вдруг прибавила, как бы спохватившись:

– Только её надо разбить!

И не успела ещё Любовь Ивановна опомниться от быстрого потока Олиных слов, как девочка быстро выбежала из учительской в коридор.

Подпрыгивая, бежала Оля по длинному коридору, раздумываясь, блестя влажными глазами.

Душа её ликовала: «Ах, какие все добрые! Как хорошо! Боже мой, как хорошо!»

Из-за угла коридора показалась высокая, худощавая надзирательница. У неё было всегда спокойное лицо, ходила она ровным размеренным шагом, почти никогда не улыбалась, но и очень редко раздражалась. Оля всегда побаивалась её, да и все ученицы мигом переставали бегать и шуметь, когда она входила в класс.

Теперь же Оля подбежала к ней, охватила её руками и крепко прижалась к ней.

— Милая Софья Гавриловна!

Надзирательница сначала удивлённо посмотрела на Олю, сердито повела бровями, а потом вдруг улыбнулась и обняла Олю.

— Ну чего ты, деточка?

Оля радостно и взволнованно сказала:

— Василий запряжёт лошадь и отвезёт деньги в деревню, и отдаст голодным крестьянам. Так велел Спаситель!

С этими словами она побежала в класс.

Любовь Ивановна тихо подошла к оторопевшей Софье Гавриловне. Они молча смотрели на дверь класса, куда вбежала девочка. Бог говорил с ними через это доброе детское сердце.

ВЕРА МАЛЕНЬКОГО МАЛЬЧИКА

«В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей Отче! ибо таково было Твоё благоволение».

Евангелие от Луки, 10 глава, 21 стих

Старушка Феодосия Семёновна с молодых лет была нянечкой и всю свою жизнь провела у одних господ — Горностаевых. Она вынянчила всех детей и после осталась у них жить. Когда же молодая барышня, Раиса Ивановна, вышла замуж, то Феодосия Семёновна перешла к ней нянчить её сыновей: Адю и Мику, то есть Андрея и Михаила. Горностаевы очень любили няню, уважали и ценили её и оказывали всякое почтение. Няня так любила детей, как будто они были её собственные. Горностаевы были во всех отношениях добрые и хорошие люди: жили между собой дружно, и няне у них жилось очень хорошо. Только одно сильно огорчало старушку: в доме Горностаевых никто не призывал Бога, совершенно отрицали всё Божественное, так что дети воспитывались без малейшего понятия о Боге. Родители уверяли их, что религия нужна только для простого народа.

Муж молодой барышни, Раисы Ивановны, Виктор Александрович Дементьев держался тех же взглядов, что и его супруга. Он ещё строже относился к тому, чтобы дети, как он выражался, не привыкли к суеверию, и чтобы кто-нибудь не навязывал им ложных понятий. Поэтому в доме строго было запрещено говорить о Боге.

Уроки детям давала сама мать, поэтому зиму и лето семья жила в деревне. Виктор Александрович более всего заботился о том, чтобы дети развивались без постороннего влияния. Старший мальчик Адя

был очень умён. Отец восхищался его любознательностью. Адю всё интересовало, он во всё вникал, всё хотел знать, и отец очень любил отвечать на его вопросы.

– Папа, отчего маятник на часах не останавливается, а качается целые сутки, а в столовой даже целую неделю? – спрашивал Адя.

Отец открывал часы и показывал механизм, объяснял причину, почему часы идут.

Бывало Адя заинтересуется швейной машиной или роялем и допытывается, отчего происходит звук. Особенно интересовало Адю, как люди дошли до таких открытий. Отец ему рассказывал, что прежде люди шили рыбьей костью вместо иголки, долго не знали, что из железа можно сделать иголку, а теперь шьют на швейных машинках. Такие рассказы ужасно радовали Адю и он целые вечера проводил с отцом в беседах о паровозах, фабриках и прочих вещах. Более же всего интересовало Адю, кто и как создал такие изобретения. Однажды он так увлекся рассказами отца, что в восторге вскочил, выпрямился и сказал:

– Когда я вырасту большой, то непременно что-нибудь выдумаю! Папа, почему животные не выдумывают ничего нового?

– Потому, что они не так умны, как человек, – отвечает Виктор Александрович.

– Но собаки и лошади очень умные и между тем никогда ничего не придумают. Это очень странно. Это очень удивительно. Папа, почему они не говорят ничего? Как жаль, что они не говорят ничего!

– Да, всё от того же, что их ум не развит.

– «Иди» даже не говорят, – вставил Адя – Это очень удивительно, я бы не хотел быть животным.

– Няня, откуда взялось яичко?

– Курочка снесла, – ответила няня.

– А курочка откуда взялась? – опять спросил Адя.

– Курочка из яичка вышла.

– Значит, яичко из курочки, курочка из яичка, вот так славно. Как же так?

– А так: курочка сядет на яички, выйдут цыплята, цыплята вырастут и будут курочками, нанесут яички и тоже сядут на яички, – объяснила няня, думая, что всё очень понятно, но Адю это объяснение не удовлетворило.

– Ну, хорошо, – сказал он, – курочка из яичка и, наконец, дойдёт до того, что первое-то яичко какая же курочка снесла? – добивался Адя.

– Ну, уже этого я тебе не могу сказать, из какого яичка первая курочка вышла.

Тем разговор и закончился.

Вечером Адя пришел к отцу и спросил:

– Папа, откуда взялись все звери?

– Природа сделала, что они явились все на свет, – ответил отец.

– Природа? – удивился Адя, – какая она умная, если она сумела сделать всех зверей и все цветы, – воскликнул он.

– Ты не подумай, что это существо какое-нибудь, это просто сила такая, – ответил отец.

– Всё равно, и сила ужасно умная, – восхищался Адя. – Она ещё что-нибудь новое выдумает? – спросил мальчик.

– Не думаю. Человек совершенное творение, ты сам удивляешься уму человеческому. Теперь уже человек открывает силу природы и пользуется ею, – объяснил отец.

– Я бы хотел, чтобы природа ещё что-нибудь изобрела, например человека. И ещё лучшего, чем обыкновенные люди, – рассуждал Адя.

– Да что же можно сделать лучше?

– Ну, например, чтобы глаза у него были такие, чтобы мог видеть за сто вёрст, чтобы он мог видеть сквозь стены! Вот идёт по улице мимо дома и видит, что в доме делается, – сказал Адя.

– Ну что же тут интересного? – спросил отец.

– Как же, это очень интересно, – ответил Адя. – И чтобы он мог проходить через стены, – продолжал Адя.

– Ну, я тебе скажу, что это было бы совсем нехорошо. Воры увидели бы сквозь стены деньги, бриллианты, а так как они проходили бы через стены, то они зашли бы в дом и взяли бы всё, – засмеялся Виктор Александрович.

Адя также расхохотался и сознался, что это, действительно, было бы нехорошо...

– Но вот, что было бы хорошо: если бы человек мог летать, – опять начал рассуждать Адя

– У человека есть ум, он сделал себе летательные снаряды и может летать, – отвечал отец.

– Не так летать, – перебил Адя. – А чтобы человек мог полететь на луну, посмотреть, что там на звёздах! Вот так лететь!

– Человек не может слишком высоко летать, там уже нет воздуха!

– А нужно, чтобы он был такой, чтобы мог дышать, а главное, чтобы он никогда не умирал.

– Если бы люди не умирали, то было бы слишком тесно на земле и, наконец, дошло бы до того, что на земле была бы давка, даже лечь нельзя было бы.

Тут Адя задумался и потом сказал:

– Жаль, что нельзя жить всегда.

По утрам дети занимались с матерью, потом их пускали побегать на воздухе до обеда, а после обеда они музицировали.

В одно утро, окончив уроки, дети весело побежали в сад. В то время поспевала земляника. Адя и Мика, добежав до конца сада, перелезли через невысокий забор на луг, где росла в обилии эта вкусная лесная ягода. Дети уходили всё дальше и дальше. Наконец, они дошли до небольшого болота, за кото-

рым была горка. Мальчики были уверены, что там много земляники.

– Тут мокро, – сказал Мика

– Ну, так что же? Не беда! – сказал Адя, сбросил на траву башмаки и чулки и побежал босиком через болото.

Конечно, Мика тотчас же последовал по примеру брата. Весело взбежали они на горку, и, действительно, как они и ожидали, земляники там было много. Подымаясь выше, они дошли до леса и увидели тропинку. Им стало интересно, куда она ведёт. Мальчики пошли по ней вперёд. Пройдя некоторое расстояние, они услышали громкий голос:

– Было пусто и темно. И только вода и больше ничего. А над водою носился Божий Дух, Сильный, Всемогуший.

Удивлённые Адя и Мика остановились и стали искать место, откуда слышался голос. Сквозь молодые деревья они увидели лужайку, на которой стоял большой мальчик, а перед ним сидела группа крестьянских детей. Это был Варфоломейка, приехавший из Петербурга на каникулы. Братья тихонько подошли сзади и сели. Варфоломейка продолжал:

– Великий, Сильный Дух имел власть приказывать, и все ему повиновались. Святой Дух был Бог. Он сказал: «Да будет свет!», и тотчас стало светло. Он сказал: «Земля, отделись от воды», и вода с землёю разделились. Он велел звёздам засверкать и солнцу засветить, и всё стало так, как Он велел. Он сказал земле: «Произрасти траву, цветы и деревья», и стало всё расти, и до сих пор растёт. Он повелел рыбам плавать в воде, и появились рыбы. Он сказал птицам полететь по воздуху, и полетели птицы. Затем также Он сотворил и всех зверей, каких Он хотел. А когда Он сотворил человека, то вдунул Свой дух в него, и стал человек разумный, вечно живущий, подобно Богу, потому что Дух Божий был в нём.

Варфоломейка окончил словами:

– Завтра в этот же час опять будет лекция, желающие могут приходить. А теперь кончено. Все встали и побежали домой. Адя и Мика тоже. Адя был в полном восторге. Он услышал то, что желал знать. Он только удивлялся, что папа не знает всего этого. Молча и задумчиво шёл он по тропинке. «Вечно живущий. Отчего же все умирают?» – недоумевал он.

Выйдя из леса, он остановился перед Микой, и спросил его:

– Ты, Мика, честный человек?

Мика вытаращил свои большие голубые глаза и сказал:

– Честный.

– Ты умеешь держать слово? – опять спросил Адя

– Умею, – удивлённо ответил Мика.

Тут Адя положил свои руки на плечо Мики и серьёзно, глядя ему прямо в глаза, спросил:

– Обещаешь ли ты мне никому не говорить, что мы тут были?

– Обещаю, – твёрдо сказал Мика.

– Смотри, Мика, ты это не должен говорить никому: ни маме, ни папе, ни даже коту, ни петуху, никому. Понимаешь?

– Обещаю, – торжественно повторил Мика.

– Если ты не сдержишь слово, то я никогда не возьму с собой гулять, никогда, никогда, слышишь?

И при этих грозных словах Адя сильно потрянул Мику за плечи.

– Обещаю, – ещё раз повторил Мика.

Мальчики сбежали с горы и вскоре оказались дома. Аде очень хотелось всем всем рассказать, что он слышал. Но он думал, что благоразумнее никому не говорить, а то, пожалуй, не позволят туда ходить, потому что им запрещено общаться с крестьянскими детьми. Между тем Варфоломейка говорил именно то, что больше всего интересовало Адю. Он решил,

что расскажет всё, когда у Варфоломейки закончатся каникулы и он уедет в Петербург.

На следующий день братья опять побежали на «лекцию» Варфоломейки. Они немного запоздали, когда он уже воодушевленно рассказывал:

– дьявол был дух сильный, злой, завистливый, гордый и лукавый; он ненавидел Бога и завидовал счастью людей – ему хотелось их погубить и сделать огорчение Богу, испортить Его дело, помешать Его плану, и, главное, подчинить человека себе. Между другими деревьями росли дерево жизни и дерево познания добра и зла. Бог, любя и жалея человека, предупредил его: не ешь плодов с дерева познания добра и зла – в день когда ты съешь, смертью умрешь.

– Наверное, они съели, – подумал Адя.

– дьявол желал погубить человека, заговорил с женою и спросил её: подлинно ли Бог запретил есть плоды от всякого дерева? И когда жена сказала: так, но с этого дерева не велел, чтобы нам не умереть. Тогда дьявол сказал: «Нет, не умрёте, но Бог знает, что вы тогда сами будете как боги, от этого Он и запретил вам есть». Теперь жене предстояло выбирать, кому верить, Богу, который говорит: «умрёте», или дьяволу, который говорит: «не умрёте». Жена выбрала обманщика, поверив ему, а в Божьих словах усомнилась, взяла плод и съела, и мужу дала есть.

Адя всплеснул руками:

– Так вот почему все люди умирают.

Варфоломейка не обратил внимания на его возглас и продолжал:

– Если бы после этого Адам стал есть плоды с дерева жизни, то дело было бы непоправимо. Завтра объясню, почему Бог прогнал людей, где росло дерево жизни, и запер двери, чтобы никто туда не пришел. Лекция окончена.

Адя не мог дожидаться следующего дня, чтобы слышать продолжение. Он был рассеян на уроке, за-

думчив и серьезен. Родители недоумевали, что с ним случилось и даже встревожились: не заболел ли он.

Вечером группа слушателей собралась снова и Варфоломейка начал говорить:

– Бог очень любил людей. Ему было жаль, что они подчинились дьяволу и должны умереть. Хотя тело умирает, но душа остается жить. А так как душа пленница дьявола, то он и возьмет её к себе, далеко от Бога, и душа должна будет очень страдать и вечно мучаться. Богу стало так жаль людей! Он создал их для вечного счастья, для вечной жизни, и вдруг они должны погибнуть! Что тут делать, как дело поправить, как их назад вернуть? И Он решил послать Сына Своего на землю, Единородного и возлюбленного! Бог не пожалел отдать Его! Так Ему хотелось спасти людей, так Он любил их, что пожертвовал Своим Сыном. Он решил: пусть все грехи людей лягут на голову Моего Сына и Я с Него Одного за них взыщу. Я Его отдам как выкуп за людей. Он заплатит за грешников. Они все будут свободными и как бы не согрешившими.

Прошло четыре тысячи лет. Бог не переменял Своего плана и людей не разлюбил, хотя они покрыли всю землю и все были пленниками дьявола. Многие люди знали обещания Божии, ждали их исполнения и радовались. Наконец явился Сын Божий. Имя Его – Иисус Христос! Вы думаете, что Он явился в сиянии, окружённый Ангелами или войсками, чтобы сражаться с врагами? Нет! Он родился, как простой маленький мальчик и притом в большой бедности. Даже спал на соломе. Когда Он вырос, Он взял Себе двенадцать учеников – тоже простых и бедных людей...

Варфоломейка закончил.

Адя всю дорогу твердил Имя Иисуса Христа, боясь позабыть Его. Он ведь первый раз в жизни слышал это Имя и очень удивился – какой Бог добрый! Вместо того, чтобы страшно рассердиться на чело-

века, Он жалеет его, заступает за него и всячески хочет его спасти.

И сердце и ум Ади были полны новых впечатлений и он не мог удержаться, чтобы с кем-нибудь не поделиться тем, что он узнал.

– Я теперь уже знаю, откуда всё взялось, я знаю, отчего звери не такие как люди, я знаю, почему все умирают, – сказал Адя няне.

– Откуда же ты всё узнал, голубчик, кто тебе это рассказал? – спросила Феодосия Семёновна.

– Этого я тебе сказать не могу, а только я знаю ещё: на Сына Божия возложили грехи всех людей.

Няня с удивлением смотрела на него, не зная радоваться ли ей или ужасаться.

– А ты папе сказал про то, что ты знаешь? – спросила она.

– Нет, я ему не говорил, – ответил Адя

– Ты бы ему сказал, – посоветовала няня.

– Может быть, я ему скажу, я думаю скажу, – ответил Адя

В тот же вечер Адя, сидя в гостиной, повторял: «Иисус Христос, Иисус Христос...»

– Что ты там твердишь?

– Имя Сына Божия, – ответил Адя

– Кто тебе это сказал? – спросил отец.

– Я не могу этого сказать, – ответил Адя.

– Но я требую, я должен знать! – строго сказал отец.

– Я тебе скажу, но не сейчас, немного погодя, – ответил Адя.

– Почему не теперь, я хочу знать сейчас же, – настаивал отец.

– Это тайна, – загадочно ответил Адя.

– А если я тебя накажу и заставлю тебя сказать твою тайну, – рассердился отец.

– Если даже ты убьешь меня, я сейчас не могу сказать. Потом я тебе всё расскажу, как я это узнал. А ещё я знаю, что Великий Сильный Всемогущий Дух

носился над водою, и что Он повелел всему быть, как Он хотел и всё сделалось, как Он велел. Я знаю, почему такая разница между животным и человеком.

Помолчав минуту, Адя продолжил:

– Это от того, что Бог вдохнул Свой Дух в человека.

Пока Адя говорил, отец взволнованно ходил по комнате из угла в угол, нервно кусая губы. Отец раздумывал, как поступить с Адей. Он боялся сделать хуже и потому решил не торопиться.

Когда дети ушли спать, Виктор Александрович подошёл к жене и спросил:

– Рая, откуда он это знает, кто ему сказал?

– Я и сама удивляюсь, и не могу себе представить, откуда у него эти сведения, – ответила Раиса Ивановна.

– Ты думаешь, что няня ему сказала или кто-нибудь из прислуги?

– Няня не говорила, а прислуга сама ничего не знает. Ты слышишь, он говорит так, словно учился у законоучителя.

– Разве он виделся со священником? Не ходит ли священник сюда? – размышлял Виктор Александрович.

– Я так не думаю. Церковь от нас за семь вёрст. А если думаешь на учителя, то его теперь нет здесь, он уехал на лето, – объяснила Раиса Ивановна.

– Остаётся думать одно: он достал какую-нибудь книгу. Он выучился читать и теперь его трудно убедить. Посмотри, нет ли какой книги в его вещах, – попросил Виктор Александрович.

Но никакой подобной книги не нашлось...

– Может быть, в газетах было что-нибудь? – сказала Раиса Ивановна.

– Во всяком случае, это пренеприятная новость для меня, – со вздохом сказал Виктор Александрович. – Весь мой план воспитания испорчен. Ужасно досадно!

Не на шутку обеспокоившись новыми познаниями своего сына, Виктор Александрович попробовал разуверить Адю, и представить всё, что он узнал, как старую басню. Он стал ему рассказывать мифологию, думая отвлечь его и говорил, что люди прежде и мифологических богов считали за правду, но с распространением образования всё это оставили! Но Аде так нравилась то, что говорил Варфоломейка, и какой-то внутренний голос шептал ему: «Это правда».

Однажды Адя сказал няне:

– Варфоломейка больше знает, чем ты, няня, и чем мама и даже папа.

– Какой Варфоломейка? – удивленно воскликнула няня.

Мика при этой выходке Ади даже присел, обняв свои колени руками, и широко, почти до ушей, улыбнулся. Он посмотрел на Адю, как бы говоря: «Что, Адя, сам проговорился?».

Адя страшно испугался того, что он сказал. Он побледнел и молча стоял с вытянутым лицом. Спустя некоторое время, он подошел к няне и, обняв, спросил:

– Няня, ты меня любишь?

– Кого же я люблю, как не тебя?

– Если ты меня любишь, няня, голубушка, то не говори никому про Варфоломейку.

– Да, кто же этот Варфоломейка-то? – спросила тихо няня.

Но Адя, зажав ей рот рукой, сказал:

– Не говори, не говори никому, даже имени не произноси! Ты сделаешь это? Я потом тебе всё скажу. Только теперь ты молчи, няня, хорошо? – приставал он.

– Хорошо, хорошо, – согласилась няня.

Время шло и познания Ади увеличивались. Отец запретил ему рассказывать в гостиной, что он знает. Тогда Адя рассказывал няне в детской, которая

была рядом с гостинной. И к досаде Виктора Александровича в гостинной всё было слышно.

– В Сыне Божьем была любовь Божия к людям. Жалость и сострадание Божье были всемогущими, и несмотря на это, Он был смиренным и кротким. Неправда ли, какой хороший Он был? – с восхищением рассказывал Адя. – Когда приходили к Нему больные, Он жалел их и всемогущей силой исцелял их. Подумай, няня, пришёл к нему слепой и Иисус Христос сказал: «Прозри». И слепой прозрел с той же минуты. Чудно! Один человек лежал больным тридцать восемь лет, а Иисус Христос подошёл и исцелил его. В другой раз, по дороге Он встретил похороны. Мать хоронила сына и плакала. Ты, верно думаешь, что же теперь можно сделать, когда человек уже умер? Вот, я тебе скажу, Иисус Христос велел похоронам остановиться. Ему было очень жалко, что мать плачет, и Он сказал мёртвому: «встань!», и умерший ожил. Вот какой Он Всемогущий! Он и теперь такой же. Он не переменялся, не ослабел. Он больше имеет власти теперь, чем тогда, потому что Он победил дьявола. О, только я не знаю, как было сражение и как Он победил. Когда я узнаю сам – тебе расскажу. Это очень интересно. Не правда ли?

В следующий раз рассказывал Адя няне:

– Няня, подумай, я того никак не ожидал, и уверен, что и ты не ожидаешь, что случилось. Представь, когда Иисус Христос был совсем молодой, Его убили. Слышишь, няня, Его убили, Его ужасно жестоко убили. Взяли два дерева, склотили крестом, положили Его на бревно, руки растянули по поперечному бревну, а ноги вдоль, и в ладони вбили молотком большие гвозди, а также и в ноги.

Адя говорил эти слова с глазами полными слёз и голос его дрожал.

– Крест подняли, – продолжал Адя, – и вкопали его в землю. Иисус истекал кровью, которая лилась из Его ран. И в таком положении Он умер.

Адя замолчал и несколько минут ничего не говорил – он плакал. Плакала и няня.

– Тебе жаль, няня, что Он так страдал? – спросил Адя.

– Очень жаль, – говорила, всхлипывая няня.

– Ужасно жаль! – говорил Адя, прижимая руки к сердцу. – Когда Он висел на кресте, грехи всех людей были на Нём. От того Он и умер. У Него грехов не было; дьяволу очень хотелось втянуть Его в грехи, он был уверен, что ему удастся Его соблазнить, как Адама с Евой. Адаму с Евой он показал только плод один, и они не устояли, а Иисусу он показал весь мир, все царства, всю славу, всё, чем только можно прельстить человека. Но Иисус не поддался. Вот какой Он! Без греха Он и потому должен был вечно жить. А вот грехи людей Он принял на Себя и за эти-то грехи Он и умер! Няня, никакого сражения не было, а Он победил. Тем именно и победил, что устоял, не поддался никакому искушению. Дьявол напрасно старался одержать над Ним победу. Вот почему Иисус мог уплатить за чужие грехи, потому что у Него Своих не было, а если бы был хоть один грех как у Адама, то всё пропало бы – дьявол одержал бы победу.

– Сняли Его со креста, – продолжал Адя, – положили в саду в пещеру, привалили большой камень и запечатали царскою печатью, и солдат поставили караулить. Всё было спокойно два дня, а на третий день сделалось землетрясение, камень упал, печать сломалась и солдаты повалились. Знаешь почему? Иисус Христос ожил опять! И опять пришел Он к Своим ученикам, все Его видели и говорили с Ним. Он был жив! Он больше умереть не может! Он и теперь жив! Он сказал, что все умершие оживут и тогда смерти не будет, а дьявол будет брошен в огонь. Это случится, когда Иисус Христос опять с неба вернётся на землю. Ученики видели, как Он поднимался на небо. Как это чудесно! Все оживут. И мы будем

такие, как Он. Это очень-очень хорошо, няня, что мы будем всегда-всегда жить! Я ужасно тому рад! Ты рада, няня? Ученики тоже были рады, и они стали другим людям говорить об этом, а их за это били и в темницу сажали. За то, что они говорили про Иисуса. А ты думаешь, они об этом плакали? Нет, Они не плакали, а радовались, что страдают за Иисуса Христа, Которого они так любили. Я тоже очень люблю Иисуса.

Таким образом лекция за лекцией передавались няне.

Однажды у Дементьевых обедали гости, соседи помещика. За столом сидели и Адя с Микой. Кто-то из гостей рассказывал про одну старую даму, общую знакомую, которой доктор объявил, что она должна неизбежно ослепнуть, и это непоправимо. Все присутствующие за столом очень сочувственно отнеслись к этому известию, даму очень жалели. Адя не выдержал и вдруг выпалил:

– Если бы она попросила Иисуса Христа, то Он сделал бы её зрячей.

Гости расхохотались, а отец покраснел. Ему было неловко и он очень рассердился на Адю. Ничего не сказав, он встал из-за стола, молча взял Адю за плечо и вывел в другую комнату.

– Сколько раз я тебе говорил, – сердито сказал он, – не болтать глупостей. А ты не только перед домашними не молчишь, ты ещё перед посторонними меня позоришь.

При этих словах Виктор Александрович отворил дверь тёмной фотографической комнаты и, толкнув туда Адю, запер его на ключ. Вернувшись к столу, он сказал:

– К моему великому сожалению и большой досаде, Адя, должно быть, достал какую-то книжку и начался её. А так как он страшно впечатлительный и увлекающийся, то он теперь весь поглощён этим.

Такая досада, весь мой план воспитания разбит! – с горечью говорил Виктор Александрович.

– Но строгими мерами, угрозами и запрещениями вы сделаете из него мученика, а уж несколько не разубедите его. Самое лучшее: относиться к его увлечениям равнодушно, и поверьте, он скоро сам всё бросит. Что-нибудь новое заменит ему это увлечение и потом он сам же будет над собою смеяться, – такого рода рассуждения велись за столом по поводу Адиной выходки.

– Неужели ты его оставишь без обеда? – спросила Раиса Ивановна.

– Он может потом в детской поесть, – ответил Виктор Александрович.

После обеда, когда гости перешли в гостиную, Виктор Александрович выпустил Адю, сказав:

– Иди к няне, она даст тебе поесть.

Адя весело вбежал в детскую с радостным восклицанием:

– Няня, я за Иисуса сидел в темнице!

– Вот видите, как скоро наши слова оправдались, – воскликнул один из гостей, услышав слова Ади.

В скором времени Виктор Александровичу понадобилось поехать по делам за границу. Раиса Ивановна знала, сколько времени потребуется, чтобы доехать до морского порта и что муж пришлёт ей телеграмму перед отплытием парохода. Уже не первый раз он совершал такие путешествия и потому она спокойно ждала. И действительно, пришла телеграмма как всегда в своё время. В ней Виктор Александрович сообщал, что благополучно доехал и пишет телеграмму уже на пароходе.

В ту же ночь поднялся ветер такой силы, что ломал в саду деревья. Раиса Ивановна не могла спать, она сильно беспокоилась о муже, переносившему качку и наверняка страдающему морской болезнью. К утру ветер не утих, а даже как будто усилился. По-

лучив газеты, Раиса Ивановна прочла, что вчерашняя буря наделала много бед: сорвала крыши с домов, в садах и рощах поломала много деревьев.

Прочитав эти известия, Раиса Ивановна встревожилась ещё больше. Вечером, сидя в гостиной одна, она стала плакать. Адя пришел в гостиную проститься с матерью перед сном, и увидев её в слезах спросил:

– Что ты мама, почему плачешь?

В это время страшные, угрожающие порывы ветра бушевали в саду.

– Ты слышишь, Адя, какой страшный ветер, а наш папа теперь на море! Я боюсь, не случилось бы что с ним?

Адя залез на стул, и припав к рыдущей матери, обнял её и стал целовать щёки, уши и шею, не зная как бы её утешить. Но вдруг, он точно что-то вспомнил, быстро соскочил со стула и опустившись на колени около ног матери, стал молиться вслух:

– Господи, Бог сильный, Всемогущий! Ты имеешь власть остановить бурю. Ты всё можешь сделать, что Ты хочешь. Сохрани папу, чтобы с ним ничего не случилось.

Адя заплакал и сквозь рыдания он повторял:

– Господи, сохрани папу, Иисус Христос! Аминь!

Когда он окончил, Раиса Ивановна тоже попросила:

– Господь, сохрани Виктора!

– Не плачь, мама. Мы помолились и теперь Господь сохранит папу. Он добрый и всё может, – сказал Адя и, поцеловав мать, побежал спать.

Раиса Ивановна почти всю ночь не спала. При каждом порыве ветра она вздрагивала и грустными глазами глядела в темноту ночи. К утру буря утихла. Когда принесли газеты, Раиса Ивановна торопливо прочитала сообщение, в котором описывалось, что натворила буря в эти дни. Сколько бед было на море. Такого шторма давно не помнили. Сколько разбито

судов. Пассажирский пароход идущий в Б. погиб, из пассажиров почти никто не спасся.

Раиса Ивановна выронила газету и громко зарыдала. Адя тут же подбежал к ней спросил:

– Мама, мама, что случилось?

– Читай, – сказала мать сквозь слёзы, дав ему газету.

Он прочитал несколько раз и сказал:

– Здесь сказано: «почти никто», значит, кто-то всё-таки спасся, и это наш отец. Мы ведь молились, и Бог сохранил его.

Маме трудно было верить этому. Не обедая, она пошла в свою комнату, желая побыть в одиночестве. Поздно вечером принесли телеграмму: «Пароход погиб, я жив. Письмо следует. Виктор».

– Ах! – воскликнула Раиса Ивановна радостно и побежала к няне. – Слышишь, Виктор жив!

Затем она кинулась в детскую. Адя спокойно спал. Мать нежно поцеловала сына. Адя проснулся.

– Адя, отец жив! От него телеграмма.

– Я это знал, я это знал, – ответил Адя, – Господь добрый и Всемогущий, Он любит нас!

С нетерпением ждали в доме Горностаевых письма. Почту приносили не каждый день и это еще больше усиливало нетерпение. Наконец почтальон принес письмо с иностранной маркой. Радостная Раиса Ивановна прочитала следующее:

«Дорогая Раиса!

Конечно, ты уже знаешь из газет о судьбе нашего несчастного парохода. Наверное, ты бедненькая скорбишь, думая, что я погиб, как другие. Однако я чудом спасся. Это была страшная ночь. Все пассажиры чрезмерно страдали. Темнота на море была непроницаемая. Волны страшно шумели, море будто стонало. Наше судно страшно трещало, его бросало во все стороны. Стоять на палубе было невозможно, волны захлестывали её, и сильный ветер сбивал с ног. Вдруг раздался страшный треск, и можешь себе

представить, какое отчаяние охватило нас, когда к нам вошел капитан, бледный как смерть и объявил, что вода пробила в судно и с каждой минутой прибывает, и скоро судно непременно погибнет.

– Спасайте себя, кто как может. Я ничем не могу вам помочь, – сказал капитан и сам горько заплакал, как ребенок.

Мы побежали на палубу. Накатившаяся волна вынесла нас в открытое море. Увидев, что судно тонет, я постарался отплыть подальше, чтобы не захватил водоворот. Ты знаешь, что я хороший пловец, но чем это могло мне помочь? Только отсрочить мою окончательную гибель, ничего больше. Со мной на воде держался какой-то датчанин. Он добрался до одной опрокинутой раскладной лодки. Ему удалось её как-то перевернуть и влезть в неё. Я последовал за ним. Но чем поможет лодка без весёл в такую бурю. Она могла разбиться или наполниться водой, и нам нечем было бы вычерпать воду. Я понял, что гибель неизбежна и стал мысленно прощаться с вами, мои дорогие. Видел тебя, моя дорогая Рая, Адю и Мику в нашей уютной светлой гостиной. Мне живо представился Адя с его вдохновенным лицом, простертой рукой говорящий: «И над водою носился Великий Сильный, Всемогуший Дух и что Он повелевал, то и делалось...»

И знаешь Рая, вдруг мне подумалось: а что если это правда? И Он теперь носится над этой водой, в которой я погибаю? Я воскликнул: «Если Ты действительно есть и Ты Всемогуший, то сделай невозможное – спаси меня!» Прошло несколько минут. Вдруг нас осиял сильный свет. Это был прожектор с огромного судна, проходящего мимо нас. Судно это видело остатки нашего парохода и, освещая прожектором море, искало погибающих, чтобы спасти их. Свет осветил нас несчастных, мечущихся в челноке, судно замедлило ход. Тотчас же была брошена лодка в воду, в неё быстро вскочили два матроса, взяли

торопливо весла и с опасностью для жизни направились к нам.

Добравшись до нас, они приняли нас в свою лодку, а челнок толкнули, сказав: пусть он ещё кому-нибудь послужит. Борясь с волнами и ветром, мы добрались до корабля и наконец нас подняли на палубу. Ты не можешь себе вообразить моего блаженного состояния, когда я почувствовал себя в безопасности. С меня сняли всё мокрое, надели сухое, положили в постель и отогрели горячим чаем! Весь мой багаж погиб, осталось только то, что было на мне да в кармане пиджака мой паспорт. Да, я потерял всё: и деньги и вещи, но я ни о чём не жалею. Я приобрел несравненно больше — я узнал, что есть Бог Всемогущий и Сильный, и многолюбящий. Скажи это Аде. Я доехал до М. и теперь нахожусь в гостинице. Пришли мне деньги, чтобы я мог одеться и поехать к месту назначения, а потом тотчас же вернуться к вам и мы вместе возблагодарим и прославим Бога, спасшего меня и выведшего меня из тьмы неверия.

Твой Виктор».